

Е.Ю. Стабурова

Рижский университет им. П. Страдыня

Изучение Синьхайской революции в Ухане в контексте современного Китая

Данная статья посвящена новым подходам к изучению Синьхайской революции в исторической науке Хубэя и их связи с общим политическим курсом КНР. Источником служат несколько публикаций уханьских учёных, вышедших в 2011 г. и приуроченных к 100-летию юбилею Синьхайской революции; материалы прошедшей в Уханьском университете 23–25 сентября этого же года международной научной конференции «Синьхайская революция и китайские студенты в Японии»; а также состоявшиеся 26 сентября личные беседы автора с такими видными уханьскими историками, как проф. Фэн Тяньюй (冯天瑜) – директор Центра изучения традиционной культуры Китая Уханьского университета, и профессор У Цзяньцзе (吴剑杰), которого можно смело назвать учителем почти всех нынешних историков Хубэя. Весьма плодотворной также оказалась встреча с молодыми сотрудниками Центра изучения традиционной культуры Китая: Сюй Бинем (徐斌), Цзо Сунтао (左松涛), Хун Цзюнем (洪均) и др. Из совсем свежих книг и статей, помимо материалов конференции, мы будем обращаться к новым книгам У Цзяньцзе [3], Фэн Тяньюй и Чжан Дуциня (张笃勤) [4], Ло Шиханя (罗时汉) [1], равно как и к статье Цзо Сунтао (左松涛) [6].

Современная историческая мысль Уханя (Китая) о Синьхайской революции интенсивно развивается, отказываясь от догм и осваивая новые рубежи исторического дискурса, впрочем, вполне успешно сверяя свой курс с политическим курсом страны. Происходит глубокое переосмысление общих суждений о революции. Это, прежде всего, относится к вопросу о характере революции. Скептическое отношение у историков вызывает определение революции как буржуазной. Считается, что, скорее, её можно было бы описать в понятиях национальной, антимонархической или даже демократической (при условии наличия определённых договорённостей о том, что подразумевать под демократией). Это была «скороспелая буржуазная революция», как её определил на сегодняшний момент,

пожалуй, самый главный в Китае историк-эксперт по Синьхайской революции Чжан Кайюань (章开远) [1, с. 1]. Чжан Кайюань с 1951 года работает в Ухане в Хуачжунском педагогическом университете.

В работах уханьских историков революция предстаёт не только как продолжение предшествовавшей ей деятельности революционеров, но и как результат того, что с самых первых дней восстания в Учане вокруг неё объединились революционеры, реформаторы и представители высшей цинской бюрократии ханьского происхождения [3, с. 97].

Ставится под сомнение объективная неизбежность наступления революции. Под впечатлением от одного прослушанного в Риге доклада, в котором доказывалось, что Цинская империя в годы, предшествовавшие её развалу, находилась на подъёме, а не в упадке, я задала вопрос У Цзянцзе, насколько закономерна, по его мнению, была революция. Оказалось, что авторитетнейший историк Уханя вообще пришёл к выводу о том, что, если бы Чжан Чжидун пожил ещё несколько лет, революции могло бы и не случиться, потому что именно Чжан Чжидун на подконтрольных ему территориях проводил политику, направленную на сглаживание противоречий между китайцами и маньчжурами. И тогда, рассуждает историк, не вспыхнуло бы движение за защиту железных дорог в Сычуани, и далее, не было бы Учанского восстания. В своей новой книге он прямо пишет о том, что Чжан Чжидун в конце жизни придерживался политики «маньчжуров и ханьцев следует рассматривать как одно тело», но после его смерти молодые маньчжурские аристократы не последовали заветам этого умудрённого опытом чиновника и вернулись к практике унижения ханьцев [3, с. 10].

Повышенное внимание к фигуре Чжан Чжидуна является тоже одним из знаковых моментов современной китайской историографии. С Чжан Чжидуна начинают сегодня экскурсии в музей, где располагалось революционное Военное правительство. Экскурсовод объясняет, что именно с Чжан Чжидуна началась отправка китайских студентов в Японию, что в конечном итоге привело к появлению нового слоя военных и гражданских лиц, привезших из Японии вместе с западными знаниями определённую дозу радикализма. Первую главу своей книги У Цзяньцзе посвятил именно Чжан Чжидуну, и как бы удивляясь сам такому расположению материала начинает эту главу риторическим вопросом: «Неужели возможно повествование о первом восстании Синьхайской революции в Учане начинать с Чжан Чжидуна?» [3, с. 2]. На значимости фигуры Чжан Чжидуна для понимания событий Синьхайского времени настаивают также Фэн Тяньюй и Чжан Дуцин [4, с. 50].

Пересмотру подвергаются оценки и других деятелей, связанных с Синьхайской революцией. Я училась по книгам, в которых Ли Юаньхун изображался чуть ли не как водевильный персонаж, которого революционеры буквально насильно заставили взять бразды правления в городе после изгнания оттуда маньчжурских чиновников. Сейчас отношение к Ли Юаньхуну кардинальным образом меняется. Личностью Ли Юаньхуна историки занимаются очень серьёзно, благодаря чему он перед современным

читателем предстает как одаренный и профессионально подготовленный человек, достойный уважения за его вклад в победу революции. В книге Ло Шиханя приводится мнение уже цитированного нами Чжан Кайюаня, который считает, что в течение долгого времени роль Ли Юаньхуна незаслуженно принижалась, что было связано с разными причинами, в том числе, с особенностями историографии Гоминьдана и революционной историографии КПК [1, с. 436].

Пересматриваются также оценки Юань Шикая. Достаточно сослаться на доклад Хэ Сяомина (何晓明) – учёного из Института изучения мысли и культуры Китая Хубэйского университета, в котором сказано, что «независимо от того, как оценивать степень *Даодэ* Юань Шикая, он в Синьхайское время являлся самой влиятельной политической силой, и в этом нет никакого сомнения» [5, с. 299]. В этом же ключе о Юань Шикае отзывается У Цзянцзе, который указывает на то, что добиться отречения монарха от престола было сложным делом. Для осуществления этого Юань Шикаю, утверждает историк, «потребовалась чрезвычайные политическая мудрость и политическое мастерство» [3, с. 198].

Фэн Тяньюй в беседе особо подчеркнул, что «раньше Юань Шикая характеризовали как узурпатора власти, сейчас отношение к нему изменилось». В его же книге, написанной совместно с Чжан Дуцинем, акцентируется особенная роль, сыгранная Юань Шикаем в решающий момент учанского восстания – на завершающем этапе, так называемой, «войны Янся» (*Янся чжаньчжэнь* 阳夏战争). Это была вооружённая борьба революционных армий с регулярными войсками за Ханьян (из этого слова заимствован слог *ян*) и Ханькоу (древнее наименование этого города – Ся – было использовано как второй слог в названии войны). Начало войны датируется 12 октября 1911 г.; накануне начала переговоров между Севером и Югом цинская армия, которую к тому времени уже возглавил Юань Шикай, нанесла поражение революционным войскам [4, с. 392–458]. По мнению историков, именно благодаря Юань Шикаю, который сам же и боролся с врагами Цинов, их поражение превратилось в очередную победу над Цинами. Историки рассуждают так: «Юань Шикай смог успешно реализовать свою стратегию по причине того, что в военном отношении революционные войска в войне Янся получили отпор. Поэтому на переговорах между Югом и Севером революционерам была отведена невыгодная позиция. Оставалось лишь следовать решениям Цинского двора, который главную роль передоверил Юань Шикаю, и армия южан оказалась в его власти» [4, с. 458]. Это расценивается не как действия Юань Шикая, направленные на достижение личной выгоды, но как помощь революции.

Журналист, пишущий о Синьхайской революции, Ло Шихань указывает на политические источники изменения отношения к тем, кого совсем недавно считали людьми, стоящими по другую сторону баррикад. Сначала он цитирует другого автора, который утверждал, что пусть «некий человек до войны сопротивления Японии был „плохим“ и после войны сопротивления также стал „плохим“, но только за то, что в течение восьми лет войны

он вёл борьбу с Японией, нам следует отдать ему дань уважения». В продолжение этой мысли Ло ссылается на сообщение Синьхуа 2009 года, в котором говорилось, что «те, кто жертвовали собой во имя того, чтобы принести пользу китайскому народу, независимо от того, были ли они гоминьдановцами или коммунистами, они все – герои-патриоты» [2, с. 208].

Далее Ло Шихань даёт прямую ссылку на Ху Цзиньтао, который, находясь с визитом в США в год 95-летия Синьхайской революции, озвучил идею «трёх подъёмов» (*саньцы цзюэци 三次崛起*) в новой и новейшей истории Китая [1, с. 460]. Разъясняет эту идею г-н Ло в статье, написанной совместно с Лю Чжунси – внучкой одного из участников революции: первый подъём связывается с Синьхайской революцией и с Японией как образцом для подражания, второй этап ознаменовался победой Народно-освободительной армии и стремлением следовать по пути русских, третий подъём – это время реформ и открытости Китая, когда в качестве учителей выступают Европа и США [2, с. 208]. Приводимые Ло Шиханем цитаты дают возможность понять, как переплетаются в нынешней КНР научные достижения историков и политический курс.

Связь между Синьхайской революцией и японским опытом была подвёрнута всестороннему анализу китайскими и японскими учёными во время конференции в Уханьском университете. Когда после завершения конференции я вскользь заметила аспиранту Чжану, что у меня сложилось впечатление, что Синьхайская революция делалась в Японии, мой собеседник бурно запротестовал, заявив, что это событие надо рассматривать в долгосрочной перспективе, чтобы стало понятным, что влияние Японии вовсе не было таким большим. К тому же, добавил он, китайцы, жившие в Японии, чаще всего не знали японского языка. Из этого ответа следовало, что историки охотно используют шлюзы, открываемые властью, но не следуют слепо за её указаниями.

Изменения в истории революции проявляются и в том, что в поле зрения исследователей попадают такие детали, которые позволяют более глубоко взглянуть на события 100-летней давности. Например, У Цзяньцзе, повествуя о моменте принятия решения Ли Юаньхуном о переходе на сторону революционеров, отмечает, что ему были переданы всекитайские полномочия как главе Военного правительства Китайской республики, хотя решение об этом принимало собрание местных, учанских революционеров. Один из тех, кто направлял этот процесс, впоследствии в мемуарах отметил, что люди, голосовавшие за это решение на собрании 15 октября, «не поняли различия» [3, с. 95–96]. То есть, речь шла о том, что несколько дальновидных революционных политиков сознательно ввели в заблуждение собрание, которое не было полномочно принимать решение за весь Китай.

Весьма красноречивую деталь, иллюстрирующую отношение к маньчжурам, приводит в своей книге Ло Шихань. Якобы крылатым выражением в революционное время стала фраза «шесть сотен, шесть десятков, шесть» (он её помнит с детства, от стариков). Слово «шесть» в ней было не чем иным, как омофоном слова «течь», которое на одном местном наречии произносилось в четвёртом тоне. Фразу относили к маньчжурам, и

её следовало понимать, как «потечёт [кровь] сотен, потечёт десятков, потечёт...». В этом примере народного творчества, по его мнению, отразился лозунг революционеров «месть маньчжурам» [1, с. 457].

Историки не только подвергают пересмотру уже известные факты, но занимаются поиском новых тем. В этом смысле примечательной является статья Цзо Сунтао. Она посвящена забытому шанхайскому просветителю Шэнь Цзии, который в 1905 г. создал Объединение за реформу частных школ (*Сышу гайлян цзунхуй*) для того, чтобы способствовать изменению программы начального обучения путём введения в неё «заморских наук».

Обращает на себя внимание то, что статья написана полными иероглифами. Шанхайское издательство Гуцзи чубаньшэ, где издан сборник со статьёй, уже много лет специализируется на издании печатной продукции в этом формате, поэтому, конечно, трудно утверждать, что это знак нового этапа развития исторической науки КНР. С другой стороны, симптоматично то, что молодой историк избрал для себя именно такую форму фиксации своего исследования. Это хорошо укладывается в контекст прошедшей в 2009 г. в КНР дискуссии между представителями КНР и Тайваня о перспективах сокращённых и полных иероглифов. Обмен мнениями показал, что представители двух берегов Тайваньского пролива настроены на конвергенцию, при этом, китайцы из КНР обосновывали идею использования полных иероглифов, а тайваньцы рассказывали о том, что многие на Тайване уже оценили преимущества сокращённых иероглифов [7]. Принимая во внимание то, что, начиная с 2011 г. в китайском интернете появляются публикации по истории полными иероглифами, да к тому же ещё на вэньяне, думается, что всё же можно говорить об изменении парадигмы отношения к письменному языку в Китае. В этом же ключе можно рассматривать и выбор, сделанный Цзо Сунтао в пользу полных иероглифов.

Его статья является исторической в полном смысле этого слова, так как возвращает из небытия такую личность, как уже упомянутый Шэнь Цзии, а также события, связанные с его деятельностью. Как отмечает автор статьи, «учёные последующего времени не очень-то разбирались в этих делах» [6, с. 195]. Но исследование служит автору не только для реставрации забытых фактов, но и для постановки общих вопросов, например, о той трудноуловимой грани, на которой в Синьхайское время пересекались стремления к революции и реформам, прогрессу и сохранению статус-кво [6, с. 196].

В заключение хотелось бы отметить то, что уханьские историки сейчас в значительной степени подвергли пересмотру общие принципы исторического исследования и используют новые подходы в своей научной деятельности. О некоторых из них говорил Фэн Тяньюй в беседе 26 сентября 2011 года. Вот краткий пересказ его слов:

1) Дорога истории очень сложная и совсем не прямая, и поэтому историк должен стремиться к тому, чтобы отражать прошлое во всей его сложности. Упрощения прошлого неизбежно ведут к его искажению.

2) История Китая должна рассматриваться в терминах Китая (*ханьгуань* 汉观). В революции участвовали и революционеры, и реформаторы, и

чиновники. Никем не следует пренебрегать. Поэтому следует заниматься как революционерами, так и Юань Шикаем, Ли Юаньхуном.

3) Исторические факты следует рассматривать в разных временных отрезках: с точки зрения одного дня, одного месяца, одного года. Нужно сравнивать между собой эти временные оценки. Тогда можно выработать отношение к отдельным историческим личностям, в биографиях которых могли быть разные периоды. Где-то время можно растянуть, где-то сузить. Выделяя в биографии такой сложной фигуры, как Ван Цзинвэй, только один период, связанный с Синьхайской революцией, можно по достоинству оценить его вклад в революционные преобразования. При таком подходе мы поймём, что Ван Цзинвэй тоже имел заслуги в деле развития Китая. С другой стороны, в случае с Чжан Чжидуном время надо расширить. И только тогда по-настоящему можно будет увидеть роль Чжан Чжидуна – безупречного слуги Цинов в деле подготовки революции. Поэтому, если «то, что было достигнуто за короткий период первого восстания, включить в контекст социальных преобразований длительного периода» [4, с. 8], то историю Синьхайской революции надо начинать с Чжан Чжидуна.

Выводы

Историческая наука Уханя развивается вместе со всем китайским обществом, чётко улавливая внутривосточные тенденции. Прежде всего, такие импульсы, как стремление к достижению национального примирения и в отношении к деятелям прошлого, и в отношении к современным жителям Тайваня.

В то же время, было бы несправедливо считать, что сейчас происходит очередной виток хорошо известной практики, стремящейся поставить историю на службу современности. Создаётся впечатление, что работа политиков и работа историков находятся в отношениях взаимодополняемости. Несомненно, что принятый сейчас формат исторических исследований идёт на пользу научной истине.

Вряд ли будет преувеличением утверждать, что сейчас в китайской исторической науке Уханя сложилась благоприятная для творчества ситуация. В ней работают люди разных поколений. Историки старших поколений как локомотивы ведут за собой научную молодёжь, для которой сейчас «американские университеты» стали неотъемлемой частью их профессионального роста. Молодые исследователи любознательны и в хорошем смысле агрессивны. Единственное, на что обращают внимание и те и другие, так это на то, что сейчас история не пользуется популярностью у абитуриентов.

В области изучения Синьхайской революции наблюдается огромный прорыв, который, стал результатом научной работы последних десятилетий, но который также получил ускорение благодаря подготовке к празднованию 100-летней даты.

Остаётся лишь сожалеть о том, что в России в настоящее время Синьхайская революция не пользуется большим вниманием историков.

Между тем, под наплывом новых материалов и интерпретаций те несомненные успехи, которые были достигнуты ещё в советское время, требуют дополнения и переосмысления.

Литература

1. *Ло Шихань* 罗时汉. Чэнши иньсюн – Учан шоуи шицзи дубэнь 城市英雄 – 武昌首义世纪读本 (Город-герой – книга для чтения о веке Учана, где началось первое восстание) / Предисловия *Чжан Кайюаня* 章开元, *Фэн Тяньюя* 冯天瑜. Ухань, 2010.
2. *Ло Шихань* 罗时汉, *Лю Чжунси*. Цун Лю Гун кань Синьхай гэмин цзай Жибэньдэ юньнян 从刘公看辛亥革命在日本的酝酿 (С точки зрения Лю Гуна Синьхайская революция вызревала в недрах Японии) // Синьхай гэмин юй люжи сюэшэн 辛亥革命与留日学生 (Синьхайская революция и китайские студенты в Японии). Ухань: Чжунго Ухань дасюэ: Жибэнь Хосэй дасюэ, 2011. С. 208–211.
3. *У Цзяньцзе* 吴剑杰. Учан шоуи – Синьхайгэмин цзай Хубэй 武昌首义 – 辛亥革命在湖北 (Первое восстание в Учане – Синьхайская революция в Хубэе). Ухань: Хубэй Чанцзян чубаньшэ: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 2011.
4. *Фэн Тяньюй* 冯天瑜, *Чжан Дуцин* 张笃勤. Синьхай шоуи ши 辛亥首义史 (История первого восстания Синьхайской революции). Ухань: Хубэй Чанцзян чубаньшэ: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 2011.
5. *Хэ Сяомин* 何晓明. Синьхай гэминдэ чжэнчжи цзиньянь 辛亥革命的政治经验 (Политический опыт Синьхайской революции) // Синьхай гэмин юй люжи сюэшэн 辛亥革命与留日学生 (Синьхайская революция и китайские студенты в Японии). Ухань: Чжунго Ухань дасюэ, Жибэнь Хосэй дасюэ, 2011. С. 290–300.
6. *Цзо Сунтао* 左松涛. Домяндэ лунчаоэр: Шэнь Цзи юй Цинмо миньчудэ сышу гайлян 多面的弄潮儿: 沈戡儀與清末民初的私塾改良 (Шэнь Цзи и Движение за реформу частных школ в конце Цин – начальный период республики) // Чжунхуа вэньши луныцун. Шанхай, 2011. № 3 (103). С. 195–219.
7. Traditional and simplified: different characters lead to same Chinese identity // Xinhua, 2009.07.13//http://www.chinataiwan.org/english/specialreports/sr/csetcf_1/367/32768/201007/t20100709_1447640.htm